

зинцева. В первое десятилетие XIX века пережила расцвет и «сельская драматургия»; иногда в репертуар включались сатирические комедии Фонвизина, Княжнина, Крылова, бытовая комедия Плавильщикова и т. д.

Таким образом, в целом репертуар театров был довольно разнообразен, но преобладающее место в нем занимала все-таки немецкая «слезная» драма, переводы Коцебу и «шуточные» оперы типа «Русалки» Краснопольского.

Во все увеличивающемся росте постановок пьес Коцебу большую опасность для отечественного театра видели критики и демократического и дворянского направлений. Коцебу и «слезные» драмы подвергались критике почти всеми журналами начала XIX века. А это сыграло несомненную роль в борьбе за формирование и утверждение национального, русского репертуара. Но причины, вызвавшие критику, были различны.

Члены Вольного общества или люди, по своим идеологическим убеждениям стоявшие близко к нему, требовали устранения этих пьес главным образом потому, что они мешали развитию отечественного искусства, вытесняли со сцены произведения Фонвизина, Княжнина, Капниста, Крылова, Плавильщикова, романтическую западно-европейскую драматургию.

Ряд критиков другого лагеря — из «Вестника Европы», автор заметок «Русского вестника» (по-видимому, С. Глинка), А. Шаховской, М. Невзоров — протестовали против постановок этих драм потому, прежде всего, что считали их порождением французской философии, «освобожденной от всяких предрассудков», которая сыграла, по их мнению, известную роль в возникновении французской революции.

По тематике пьесы Коцебу можно было бы разделить на несколько циклов, но в общем их характер крайне однообразен. В центре внимания драматурга — перипетии частной жизни человека. Коцебу умел придумывать невероятные положения, ставя своей главной целью «исторгнуть ручьи слез» у зрителя. Этот, по определению Белинского, «слезогонитель немецкий» делал повседневные огорчения и неприятности предметом большой важности, облекая их в трогательно-лирические или жестоко-трагические формы «... и каждый из зрителей готов был заплатить энтузиазмом благодарности автору, делавшего его самого из простого смертного гордо несущим свое бремя героем, а его маленькие слабости и грешки превращавшего чуть ли не в героический эпос».⁸⁰

⁸⁰ О Чаянова. Театр Маддокса. М., 1927, стр. 177—178.